

А. П. КАЖДАН

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНОГРАФИИ X в.*

1. О СОСТАВЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ
„ХРОНИКИ ПРОДОЛЖАТЕЛЯ ФЕОФАНА“

Под условным названием «Хроника Продолжателя Феофана» известно историческое сочинение, сохранившееся в единственной рукописи XI в. (Vatic. 167)¹. Ватиканская рукопись была скопирована в XVI в., и издание Комбефиса осуществлено именно по этой поздней копии (Barber. 232)². Издание Комбефиса, перепечатывавшееся несколько раз³, обладало существенными недочетами, которые объясняются как тем, что он работал по поздней копии, так и особенно тем, что он, слишком свободно относясь к издаваемому тексту, допустил ряд излишних конъектур и интерполяций (наряду с некоторыми бесспорными поправками)⁴. Ряд исследователей, работавших как над рукописью хроники, так и над изданным ее текстом, предложил значительное число эмендаций⁵, впрочем, не затрагивающих существа изложения Продолжателя Феофана. Американский филолог Г. Никлс уже в 1937 г. объявил, что он предполагает дать новое издание этой хроники⁶, — однако, насколько нам известно, эта задача так и осталась невыполненной; сравнительно недавно к подготовке нового (критического) издания хроники Продолжателя Феофана приступил польский ученый О. Юревич.

Хроника Продолжателя Феофана охватывает период от 813 до 961 г. и, согласно надписанию и предисловию, является продолжением хроники Феофана Сигрианского⁷. Комбефис разделил ее на шесть книг, однако

* Продолжение см. в следующем томе ВВ.

¹ J. Mercati et P. Franchi de' Cavalieri. Codices Vaticani Graeci, vol. I. Vat., 1923, p. 191 (нам недоступно). См. H. G. Nickles. The Continuatio Theophanis. «Transactions and Proceedings of the American Philological Association», vol. 68, 1937, p. 24, n. 22.

² Другая поздняя копия Vatic. 167, охватывающая лишь V книгу нашей хроники, принадлежала некогда Христиане Шведской, а затем перешла Ватиканской библиотеке (H. G. Nickles. Op. cit., p. 225 f.).

³ Мы пользовались изданием Theophanes Continuatus, rec. Imm. Becker. Bonnæ, 1832 (далее — ThC).

⁴ См. критические замечания: C. de Boor. Weiteres zur Chronik des Skylitzes. BZ, Bd. 14, 1905, S. 440 f. Ср. idem. in: «Sitzungsberichte der preuß. Akad. der. Wiss. zu Berlin. Philos.-hist. Cl.», Bd. 51, 1899, S. 928 f.

⁵ См., помимо указанных выше работ: C. de Boor. Ein falscher Bischof. BZ, Bd. 13, 1904, S. 433; М. Крашенинников. Varia. ЖМНП, т. 45, 1913, май, стр. 187 сл.; Gy. Moravcsik. Рецензия на кн. Г. Сойтера. BZ, Bd. 29, 1929—1930, S. 287 f.; K. Kumaniéski. Notes critiques sur le text de Théophane Continué. Вуз., vol. 7, 1932, p. 235 sq. Конъектуры К. Куманецкого основаны на сопоставлении с хрониками Логофета, Кедрина и Зонары.

⁶ H. G. Nickles. Op. cit., p. 227.

⁷ До сих пор единственной работой, дающей детальный анализ хроники Продолжателя Феофана, остается книга Ф. Гирша (F. Hirsch. Byzantinische Studien.

в действительности деление на βιβλία или λόγοι присуще лишь первой части хроники; в дальнейшем же формального разделения на книги в рукописи нет — лишь простая черта отделяет каждый раз рассказ о правлении нового императора⁸.

Хроника распадается на четыре части: первая из них включает четыре книги и завершается известием о смерти Михаила III (867 г.); вторая часть соответствует V книге по делению Комбефиса и посвящена истории Василия I; третья часть охватывает время до начала самостоятельного правления Константина VII и является одним из вариантов хроники Логофета (в ее второй и третьей части); наконец, завершается хроника историей Константина VII и Романа II. Уже самое надписание хроники: ἀρχομένη ὅπου ἔληξε Θεοφάνης [. . .] τῷ βασιλεῖ Μιχαὴλ υἱοῦ (sic!) Θεοφίλου τοῦ κουροπαλάτου, ἡγχοῦν ἀπὸ τῆς βασιλείας Λέοντος τοῦ Ἀρμενίου (ThC, p. 3.7—10), несмотря на лакуну, позволяет предположить, что первоначально хроника охватывала период от начала царствования Льва V Армянина (813—820) до смерти Михаила III; соответствующие разделы уже Ф. Гирш выделил как первую часть хроники. Это предположение подтверждается тем фактом, что вторая часть хроники (история Василия I) имеет особое надписание: Ἱστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ τῶν πράξεων Βασιλείου τοῦ αἰοιδίμου βασιλέως⁹. К тому же, как уже было сказано, только первая часть хроники разделялась в рукописи на книги.

Надписание и предисловие к первой части хроники Продолжателя Феофана показывают, что эта хроника была написана при Константине VII, возможно, даже по его повелению (ἐκ προστάγματος). Автор посвящает свой труд императору и прибавляет, что император сам писал эту хронику, пользуясь только рукой хрониста (ThC, p. 4.15—16). В какой степени мы можем доверять этому замечанию, сказать трудно: оно вполне могло быть объяснено лестью автора. Ф. Гирш, однако, полагает, что Константин VII принимал активное участие в составлении хроники: в доказательство он приводит фразу автора, который замечает, что он дни и ночи проводит в заботах о Крите¹⁰. Такая фраза, необычная в устах хрониста, действительно могла принадлежать Константину VII, готовившему поход на Крит.

Эта фраза могла быть написана — даже если она не принадлежала Константину VII — лишь до 961 г., когда полководец Романа II Никифор Фока Младший взял Крит. Более естественным, однако, было бы считать, что хроника была завершена еще до смерти Константина VII, т. е. не позднее 959 г., и связывать эти слова с подготовкой экспедиции Гонгилы на Крит в 949 г.¹¹ Дж. Бьюри, отметив тот факт, что хроника не содержит намеков на события, имевшие место позднее 949 г., предположительно отнес ее составление ко времени до 950 г. Он, впрочем, справедливо отметил, что у нас нет возможности определить какой-либо формальный terminus ante quem¹².

Leipzig, 1876). См. также краткие характеристики хроники: К. К r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Literatur. München. 1897, S. 347f. (русский перевод: В. Н. Б е н е ш е в и ч. Очерки по истории Византии, т. III, СПб., 1913, стр. 95 сл.); G. O s t r o g o r s k y, in: RE, 2. R., Hlbbd. 10, 1934, Sp. 2131 f.; Gy. M o r a v c s i k Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 540 f.

⁸ H. G. Nickles. Op. cit., p. 222.

⁹ ThC, p. 211. 12—14. Cp. F. Hirsch. Op. cit., S. 225.

¹⁰ ThC, p. 81. 14—15. Cp. F. Hirsch. Op. cit., S. 179 f.

¹¹ F. Hirsch. Op. cit., S. 180; J. B. Vury, The Treatise De administrando imperio. BZ, Bd. 15, 1906, p. 571.

¹² J. B. Vury. Op. cit., p. 572.

Итак, хроника Продолжателя Феофана была завершена около 950 г. или во всяком случае в период самостоятельного правления Константина VII (945—959).

Ф. Гирш выдвинул предположение, что первая часть хроники Продолжателя Феофана была пересмотрена позднее, при Никифоре Фоке (963—969). Он считал, что имя этого императора упоминается в тексте первой книги, а именно там, где рассказывается о смерти патриарха Игнатия (877 г.) и приводится этимология названия монастыря Сатир, иначе Анателлонта¹³. Хотя это место действительно можно рассматривать как вставку, все же предположение Ф. Гирша следует признать недостаточно обоснованным: император Никифор, о котором здесь идет речь, скорее всего, не Никифор II Фока, а Никифор I Логофет (802—811)¹⁴.

Итак, хроника Продолжателя Феофана, строго говоря, представляла собой произведение в четырех книгах, охватывающее историю 813—867 гг. Она была составлена в придворных кругах при Константине VII. Эти четыре книги были единым произведением: недаром автор кое-где ссылается на предыдущую книгу (см., например, ThC, p. 174.16).

Продолжатель Феофана пользовался различными источниками, которые он в некоторых случаях упоминает: ему, например, известны надписи, сделанные на стенах при Феофиле (829—842) (ThC, p. 95.1—2); рассказывая о сицилийских событиях (о бегстве турмарха Евфимия в Африку и вторжении в Сицилию арабов в 827 г.), Продолжатель Феофана отмечает, что источником ему послужило сочинение некоего Феогноста, автора книги об орфографии¹⁵. Менее определенна другая ссылка: говоря о перевороте Льва Армянина, хронист ссылается на письменные источники вообще (ThC, p. 15.17).

В некоторых случаях, хотя источник и не назван, мы тем не менее можем о нем догадываться; так, можно предполагать, что пространный рассказ Продолжателя Феофана о падении Амория заимствован из «Жития 42 аморийских мучеников», ибо оба повествования содержат значительное число текстуальных совпадений. Детальный анализ этого жития, проделанный В. Г. Васильевским, позволил установить, что Продолжатель Феофана пользовался двумя редакциями этого жития: как более ранней, составленной, скорее всего, Софронием Кипрским, так и более поздней, возникшей, по всей вероятности, при Василии I, автором которой был монах Еводий¹⁶. В. Г. Васильевский даже предположил, что у Продолжателя Феофана в соответствующем месте (ThC, p. 132.13) содержится «ссылка на какое-то списание», т. е. на «Житие 42 аморийских мучеников», однако это предположение убедительно оспаривает П. Ни-

¹³ ThC, p. 21.6. Ср. F. Hirsch. Op. cit., S. 178. Об этимологиях у Продолжателя Феофана см. A. Diller. Excerpts from Strabo and Stephanus in Byzantine Chronicles. «Transactions and Proceedings of the American Philological Association», vol. 81, 1950, p. 252.

¹⁴ E. W. Brooks. On the date of the first four books of the Continuator of Theophanes. BZ, Bd. 10, 1901, p. 416 f.

¹⁵ ThC, p. 82.17—19. Сочинение Феогноста об орфографии, посвященное императору Льву, сохранилось. Ф. Гирш ошибочно считал Феогноста современником Льва VI (F. Hirsch. Op. cit., S. 196 f.), тогда как хронист говорит о нем как о современнике вторжения арабов в Сицилию; следовательно, его сочинение по орфографии было посвящено Льву V Армянину. См. K. Grumbacher. Geschichte. . . , S. 586; A. A. Васильев. Византия и арабы, т. I. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900, стр. 57, прим. 1.

¹⁶ В. Г. Васильевский и П. Никитин. Сказания о 42 аморийских мучениках. «Зап. АН, VIII сер. Ист.-филол. отд.», т. VII, 1905, № 2, стр. 109.

китин¹⁷. Во всяком случае Продолжатель Феофана, как показал П. Никитин, пользовался оригинальными текстами жития, а не метафрастовой переработкой его, возникшей в конце X в.¹⁸

Остановимся в этой связи на одном частном вопросе — на вопросе о соотношении первой части хроники Продолжателя Феофана с хроникой Георгия Монаха и ее продолжением — хроникой Симеона Логофета. По-видимому, соответствующие разделы первоначального текста первой редакции хроники Симеона Логофета возникли независимо от хроники Продолжателя Феофана: оба эти памятника отличаются друг от друга как самим содержанием, так и подходом к историческому материалу.

Однако вторая и третья редакции хроники Симеона Логофета содержат иногда общие с хроникой Продолжателя Феофана места. Таков, прежде всего, рассказ об иконоборческом патриархе Иоанне (Яннисе) и православном патриархе Мефодии, который мы находим и в хронике Продолжателя Феофана (ThC, p. 149 sq.), и в третьей редакции хроники Логофета (ThC, p. 647 sq.). В несколько отличном (сокращенном) виде этот рассказ содержится и во второй редакции хроники Логофета.

Поскольку этот рассказ отсутствует в первой редакции, мы вправе предположить, что во второй и третьей редакциях он был заимствован из какого-то источника. Однако этим источником вряд ли могла быть хроника Продолжателя Феофана, ибо в последней мы находим некоторые дополнительные детали (разъяснения), отсутствующие в третьей редакции хроники Логофета. Псевдо-Симеон, например, только упоминает друнгарию виглы Константина (ThC, p. 647.20), тогда как Продолжатель Феофана (ThC, p. 150.10—12) поясняет, что Константин был сыном логофета дрома патрикия Фомы.

Таким образом, можно предполагать, что третья редакция хроники Логофета заимствует этот рассказ о патриархах не из хроники Продолжателя Феофана, но из третьего источника, общего для обеих хроник.

По-видимому, из общего источника заимствован и рассказ о монастыре Сатир и строительстве дворца Вриант при императоре Феофиле. Эта вставка помещена Псевдо-Симеоном в книге, посвященной императору Василию I (ThC, p. 690.14 sq.), тогда как Продолжатель Феофана излагает этот эпизод явно не на месте (в книге о Льве Армянине), в результате чего ему приходится забежать вперед, упоминая патриарха Игнатия (ThC, p. 20.17—19) и императора Феофила (ThC, p. 21.4).

Кроме общедоступных письменных памятников, автор первой части нашей хроники имел возможность пользоваться материалами, собранными Константином Багрянородным и использованными также в сочинениях самого Константина¹⁹. Наконец, Продолжатель Феофана использовал и устную традицию, в том числе и совершенно недостоверную: особенно часто обращается он к слухам и маловероятным историям в книге о царствовании Михаила III²⁰.

Доверчиво повторяя недостоверные анекдоты, автор первой части хроники Продолжателя Феофана следовал обычным традициям византий-

¹⁷ Там же, стр. 102 и особенно прим. 1.

¹⁸ Там же, стр. 279.

¹⁹ J. V. Вигу. Op. cit., p. 570 f. Дж. Бьюри полемизирует здесь с Ф. Гиршем, считавшим, что Продолжатель Феофана попросту пользовался книгой «Об управлении империей».

²⁰ F. Hirsch. Op. cit., S. 218 f. А. Васильев («Византия и арабы. . .», т. I, стр. 48, прим. 2) обратил внимание на сходство в описании вторжения арабов на Крит в 825 г. у Продолжателя Феофана и арабского писателя ал-Хумаиди. Не лежит ли в основе обоих рассказов общий источник?

ского летописания своего времени. Однако наряду с этим мы встречаем в его хронике попытки — пусть очень робкие — исторической критики, которой были, как правило, чужды его современники. Эти попытки исторической критики заключаются в сопоставлении различных версий одного и того же события; однако разрешить противоречия этих версий хронист оказывается не в состоянии.

Отметим некоторые случаи, когда Продолжатель Феофана передает разноречивые версии одного и того же события. Рассказав о поражении византийцев в сражении при Версиникии 22 июня 813 г., Продолжатель Феофана называет виновником поражения Льва Армянина, который бежал с поля битвы в Константинополь, чтобы захватить императорскую корону (ThС, р. 15.6). После этого хронист продолжает: «Некоторые пишут (ἡμῖν ἐγγράφως παραδεδώκασι), что битва происходила таким образом. Но есть и такие, кто приписывает Льву спасение войска и [организацию] упорного сопротивления, [говоря], что царские тагмы, а вовсе не отряды Льва, трусили и предали собственный строй»²¹. Далее Продолжатель Феофана отмечает, что существуют две версии (διττὸς λόγος — ThС, р. 50.3—4) рассказа о Фоме Славянине, а так как со времени этих событий прошло уже много лет, то истину теперь нельзя установить; поэтому приходится излагать обе версии. Рассказывая о гибели полководца Феофоба, он также указывает на наличие двух противоречивых версий (ThС, р. 136.18—20).

Такие же робкие попытки критического отношения к преданию мы могли бы наблюдать и у другого византийского писателя X в. Феодора Дафнопата²². Дафнопат отмечает, что «древние» по-разному повествуют об Иоанне Предтече; но тут же, испугавшись собственной дерзости, он спешит добавить, что все эти отклонения незначительны и не уведут авторов далеко от истины, ибо все они придерживались единой веры²³.

Исторические приемы Продолжателя Феофана, таким образом, до известной степени отличаются от механического склеивания разнородных источников, которое мы наблюдаем в хронике Симеона Логофета. Продолжатель Феофана стремится разделить различные версии и тем самым избежать противоречий.

Другое чрезвычайно важное обстоятельство, характеризующее исторические приемы Продолжателя Феофана, это его стремление вскрыть причину (αἰτία) явлений. «Только это, — пишет хронист, — сказал бы я, является истинно поучительным для политических дел. . . Не знаю, принесло бы читателям пользу историческое сочинение, не вскрывающее причин» (ThС, р. 21.19—22.2). «Историческая плоть, — говорит он в другом месте, — бессодержательна и пуста, если она лишена причинности событий» (ThС, р. 167.18—19).

Таким образом, Продолжатель Феофана не смотрит на исторические события как на хаотический поток, но стремится выяснить причину того или иного события, того или иного явления. Разумеется, в большинстве

²¹ ThС, р. 15.16—21. Анализ известий о битве при Версиникии см. В. Н. Златарский. История на Българската държава чрез средните векове, т. I, ч. I. София, 1918, стр. 268 сл.; Ш. Атанасов и др. Българското военно изкуство през феодализма. [София], 1958, стр. 175 сл.

²² См. о нем. Н. Г. Веск. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 552 f. Станным образом Г. Г. Бекк утверждает, что Дафнопат «занимал сперва должность магистра (das Amt des Magistros), затем стал протасикритом и патриkiem». Магистр в X в. — не должность, а титул, к тому же более высокий, чем патрикий. См. В. В. Латышев. Две речи Феодора Дафнопата. ППС, т. IX, 1910, стр. II сл.

²³ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 25.16—19.

случаев он делает это очень примитивно: по его мнению, роль такой причины могут сыграть какие-нибудь предсказания, которые поднимают дух одного человека и приводят другого в смятение (ThC, p. 22 sq.); Продолжатель Феофана допускает и вмешательство божественной воли в ход исторических событий²⁴.

Однако в некоторых случаях он приходит к гораздо более глубокому пониманию причинности. Особенно интересно истолкование Продолжателем Феофана причин арабской экспансии. Нападение испанских арабов на Крит в 825 г. объясняется, по его словам, бедностью страны, в которой они жили, и ростом населения: их понуждала многочисленность жителей и нехватка продуктов (ThC, p. 74. 5—6).

Эта трактовка арабской экспансии у Продолжателя Феофана коренным образом отличается от традиционного объяснения византийских хронистов и агиографов, видевших в арабах бич божий, карающий за грехи²⁵. Сходно с Продолжателем Феофана, однако, гораздо примитивнее трактовал причины арабской экспансии и Генесий, который писал, что арабы «негодовали на свою страну за то, что она не была изобильной и плодородной»²⁶.

Таким образом, индивидуальность автора проступает в хронике Продолжателя Феофана гораздо более отчетливо, нежели в хронике Симеона Логофета. Вместе с тем и политические тенденции автора выступают в ней весьма отчетливо. Автор, вышедшей из придворных кругов, близких к Константину VII, хроники стремился прежде всего прославить Македонскую династию: с этой целью Продолжатель Феофана старался представить в возможно более невыгодном свете императоров — предшественников Василия I²⁷. Все четыре книги Продолжателя Феофана должны были предшествовать истории императора Василия I, о котором уже упоминает хроника (ThC, p. 83.15; 174.11).

В хронике Продолжателя Феофана мы находим не только тенденцию к прославлению Македонской династии, но и определенную концепцию императорской власти. Автор, например, с сочувствием подчеркивал, что у персов был закон, по которому царем мог стать лишь человек царской крови (ThC, p. 110.11—12). Поддержанный Продолжателем Феофана принцип легитимной императорской власти получил развитие в кругах, близких к Константину VII. В то же время Продолжатель Феофана осуждал жестокость императоров и хотел видеть в них поборников справедливости и защитников гражданских законов²⁸.

²⁴ ThC, p. 33. 13; 40.9—10. Вопрос о роли божества в исторических судьбах людей по-разному трактовался византийскими писателями XI—XII вв.: мы встречаем наряду с ортодоксальной точкой зрения, представленной Атталиамом и Никитой Хониатом, и элементы скептического отношения (особенно у Пселла) к тезису, будто каждое земное событие определяется божественной волей. Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения.

²⁵ Георгий Амартол. Хронограф, изд. Э. Г. фон-Муральт. СПб., 1859, стр. 699.17—20. Эта точка зрения последовательно проводится в «Житии 42 аморийских мучеников», известном, как мы видели, Продолжателю Феофана.

²⁶ Genesius, rec. C. Lachmann. Bonnae, 1834, p. 46.5.

²⁷ F. Hirsch. Op. cit., S. 224.

²⁸ ThC, p. 85.1—2. Тенденция к ограничению византийского деспотизма намечена в произведениях ряда византийских публицистов конца IX—X в., начиная от Фотия (см. А. П. Каждан. Социальные и политические взгляды Фотия. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. 2, 1958, стр. 127 сл.) и Николая Мистика (см. J. Gau. Le patriarche Nicolas Mystique et son rôle politique. «Mélanges Ch. Diehl», vol. I. Paris, 1930, p. 91 sq.) Эта тенденция еще более отчетливо обнаруживает себя в византийской хронографии XI—XII вв., особенно у Михаила Пселла и Никиты Хониата.

Некоторые, правда, очень скудные данные хроники Продолжателя Феофана позволяют нам поставить вопрос об отношении ее автора к различным классам византийского общества. Особенно важен следующий эпизод.

Однажды, будучи за городом, император Феофил увидел подошедший к берегу большой корабль. Он сразу же обратился к морякам, спросив, кому принадлежит этот корабль и что он привез съестного. Ему ответили, что корабль принадлежит его жене, августе Феодоре. Тогда император приказал кораблю идти к Влахернам и там пристать к берегу.

Некоторое время спустя Феофил вместе со свитой явился на корабль и, став на корме, обратился к сопровождавшим его членам синклита, спрашивая, не испытывает ли кто-нибудь из них нужды в съестных припасах: в хлебе, вине или в чем-либо еще, что потребляется в доме. Синклитики дружно отвечали, что под властью такого государя они не испытывают нужды в продуктах.

Выслушав это, император сказал: «Меня, бывшего от бога императором, супруга-августа превратила в корабельщика (*ναύκληρος*)». «Кто видел, — продолжал он с горечью, — чтобы император ромеев или его жена были торговцами (*ἔμπορος*)?». И он приказал сжечь этот корабль, а императрицу бранил (ThC, p. 88 sq.).

Продолжатель Феофана излагает этот эпизод очень подробно. Его сочувствие принадлежит императору Феофилу, вместе с которым он считает немислимым не только для императора, но и для синклитиков заниматься торговлей.

Эта же аристократическая гордость определяет и отрицательное отношение Продолжателя Феофана к императору Михаилу II (ThC, p. 42 sq.), который, прежде чем достиг власти, вел бедственное существование, «пребывая в грубости и необразованности». Аристократическая гордость Продолжателя Феофана проявляется и в его стремлении изобразить Михаила III, которого он особенно не любил, человеком вульгарным, вступившим в связь с женщиной из народа²⁹ и проводившим время среди колесничих и любителей ристаний (ThC, p. 172 sq.; 198 sq.).

В то же время Продолжатель Феофана отрицательно относится к верхушке столичной бюрократии. Он заставляет императрицу Феодору заявить, что сторонниками иконоборческой ереси были синклитики и высшие должностные лица (*οἱ ἐν τέλει*), равно как и митрополиты из окружения Яниса (ThC, p. 149.19—22). Естественно, что особую ненависть у приверженца Константина VII вызывают временщики, подобные Варде, который, по-видимому, напоминал ему Романа Лакапина. Варда изображен Продолжателем Феофана в самых черных тонах: охваченный жаждой императорской власти, он совершает предательское убийство Феокиста (ThC, p. 168 sq.); он отправляет в монастырь Феодору с дочерьми (ThC, p. 174. 5—7); он незаконно прогоняет свою жену и вступает в связь с племянницей (ThC, p. 193.14—15). Для осмеяния Варды Продолжатель Феофана находит иной раз удачные сравнения: Варда, говорит он, например, менял почетные титулы, «как молодой щеголь и честолюбец — пеструю одежду для наслаждений» (ThC, p. 184.14—15).

В этом отношении Продолжатель Феофана расходится с хроникой Логофета, которая осуждает противника Варды — Феокиста. Логофет рассказывает, что после битвы у Мавропоса (Мавропотама) в 844 г., где

²⁹ ThC, p. 199 sq. См. об этом эпизоде: H. G r é g o i r e. *Études sur l'épopée byzantine*. «Revue des études grecques», vol. 46, 1933, p. 46 sq. На наш взгляд, А. Грегуар не учитывает тенденциозности передаваемого хронистом анекдота.

войска Феоктиста потерпели поражение, он свалил всю вину на Варду³⁰; надменность Феоктиста была ненавистна многим и вынуждала ромеев иной раз искать спасения у арабов³¹; ненависть к Феоктисту была настолько велика, что он должен был выстроить во дворце железные двери для собственной безопасности³².

Любимые герои Продолжателя Феофана — полководцы. В IV книге он подробно и с явной симпатией останавливается на описании победы Петроны над арабами (ThC, p. 181 sq. Ср. ThC, p. 167.6—7). Особенно много внимания он уделяет полководцу Феофила Мануилу. Он рассказывает в III книге о мужестве Мануила, который спас императора, окруженного врагами (ThC, p. 116 sq.); о заговоре против Мануила, который был вынужден бежать к арабам (ThC, p. 118); о подвигах, совершенных им у арабов и возвращении на родину (ThC, p. 119 sq.). Наконец, в IV книге Продолжатель Феофана рассказывает о подвиге Мануила, спасшего от плена императора Михаила III (ThC, p. 178 sq.). В III книге хронист останавливается, кроме того, на истории знатного перса Феофоба, бывшего полководцем императора Феофила³³.

Благожелательно относится Продолжатель Феофана и к монахам, подобным патриарху Мефодию или патриарху Игнатию.

Таким образом, у нас есть известные основания предполагать, что Продолжатель Феофана, выступавший против торговли и в то же время против столичной аристократии, человек, близкий к Константину VII и прославлявший военных командиров, был выразителем интересов провинциальной феодальной знати. С этим связана и его концепция императорской власти: с одной стороны, императорская власть должна быть ограничена и император превращен в стража гражданских законов, с другой — императорская власть должна стать наследственной, должна, иначе говоря, принадлежать одному из знатных византийских родов.

Пятая книга хроники Продолжателя Феофана (если пользоваться этим названием в широком смысле) — это самостоятельное произведение («Житие Василия»), написанное либо самим Константином VII, либо каким-то его помощником, работавшим под непосредственным наблюдением императора³⁴.

«Житие Василия» — это светская биография, написанная, с одной стороны, по позднеантичным образцам³⁵, с другой — по образцам византийской житийной литературы³⁶. Для датировки «Жития Василия» первостепенное значение имеет рассказ о бесплодной осаде императором Василием I арабского города Адагы: в это время один из местных жителей

³⁰ Георгий Амартол. Хронограф, стр. 722.12—13.

³¹ Там же, стр. 722. 6—7.

³² Там же, стр. 722. 18—20.

³³ ThC, p. 110 sq. См. об этом также: Н. Grégoire. Manuel et Theophobe. Byz., vol. 9, 1934, p. 201 sq.

³⁴ Н. G. Nickles. Op. cit., p. 224.

³⁵ Р. Дженкинз пришел к выводу, что автор «Жития Василия» широко пользовался биографиями Плутарха (R. J. H. Jenkins. Constantine VII' portrait of Michael III. Acad. de Belgique. Bull. de la cl. des lettres, 5e sér., t. 34, 1948, p. 72). П. Аликсандр показал, что в «Житии Василия» использована риторическая схема так называемого βασιλικός λόγος, описанная Менаандром Ритором, — хотя и с известными отклонениями (P. J. Alexander. Secular biography at Byzantium. «Speculum», vol. 15, 1940, p. 198 f.). По-видимому, те «жития» (βιοί) полководцев и императоров, о которых говорит наша хроника (ThC, p. 314.12—13), были античными произведениями, а не памятниками византийской литературы.

³⁶ «Житие Василия» обнаруживает текстуральную близость к агиографическим памятникам IX в., особенно к «Житию Игнатия». См. P. J. Alexander. Op. cit., p. 201 f. Промежуточным звеном между агиографией и «Житием Василия» П. Аликсандр (ibid., p. 204 f.) считает энкомий Льва VI в честь Василия I.

предсказал, что город будет взят потомком Василия по имени Константин (ThC, p. 281.17—19). «Это и совершил в наше время Константин Багрянородный, сын мудрейшего Льва и внук Василия» (ThC, p. 282.15—17).

Адата (арабское наименование: al-Nadat)³⁷ была взята Львом, сыном Варды Фоки, полководцем Константина VII, в 947—948 г.³⁸ Следовательно, «Житие Василия» было написано после 948 г.³⁹

С этим хорошо совпадает и наблюдение Дж. Бьюри, который пришел к выводу, что события в Южной Италии были описаны параллельно в книге Константина VII «Об управлении империей» и в «Житии Василия» (а частично и в книге «О фемах»); при этом Дж. Бьюри предположил, что соответствующие главы книги «Об управлении империей» (написанные около 948—949 г.) были составлены раньше, чем «Житие Василия»; следовательно, для «Жития Василия» terminus post quem — это 949—950 г.⁴⁰ Все это делает вероятным его предположение, что «Житие Василия» писалось примерно в одно и то же время с первыми четырьмя книгами хроники Продолжателя Феофана⁴¹.

«Житие Василия» представляет собою тенденциозный памятник, прославляющий деятельность императора Василия I. Тем самым он резко отличается от того жизнеописания Василия, которое легло в основу первой части хроники Логофета⁴².

Уже во введении автор указывает, что он рассматривает своего героя как образец добродетели, достойный подражания (ThC, p. 212.12—13). Жизнь Василия представляется ему подобной лучшим образцам славного прошлого (ThC, p. 315.10—11). Фракийского крестьянина, выросшего в болгарском плену, житие превращает в потомка парфянских царей (ThC, p. 212.20); его мать, по словам панегириста, происходила от потомков Константина Великого и Александра Македонского (ThC, p. 216.2—4); божественная воля возвела его на престол (ThC, p. 257.14—15) и пр.

В этом прославлении Василия любопытен один момент: подобно Продолжателю Феофана, и автор «Жития Василия» не склонен примириться с незнатным происхождением императора. Знатность, родовитость становится в X в. одним из важнейших качеств, составляющих добродетель (*ἀρετή*): основатель Македонской династии не может быть простым крестьянином, даже если он на самом деле был им.

Легенда о происхождении Василия I от парфянских (армянских) царей возникла еще в конце IX в. Антифотианский памфлет, использованный затем при составлении хроники Псевдо-Симеона, рассматривает эту генеалогию Василия как выдумку (*πλάσμα*), пущенную патриархом Фотию в корыстных интересах (ThC, p. 689.6). То же самое подтверждает и Никита Пафлагон, автор «Жития патриарха Игнатия» (PG, t. 105, col. 565.D—568.A). Эта легенда развита и детализирована в «Житии Василия»⁴³.

³⁷ E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, S. 86 f.

³⁸ А. А. Васильев. Византия и арабы, т. II. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. Приложение, стр. 65. А. А. Васильев. Byzance et les arabes, vol. II. Bruxelles, 1950, p. 95. Скилица утверждает, что Адата (*'Адапа*) была взята domestikом Вардой (Cedrenus, vol. II. Bonnæ, 1839, p. 336.1—3). Ср. А. А. Васильев. Византия и арабы..., т. II, стр. 268.

³⁹ J. B. Burg. Op. cit., p. 551.

⁴⁰ Ibid., p. 549 f.

⁴¹ Ibid., p. 571 f.

⁴² См. А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 139.

⁴³ Сыном незнатных родителей называет Василия I и хронист XII в. Зонара (Ioannis Zonarae Epitome historiarum, ed. L. Dindorf, vol. IV. Lipsiae, 1871, p. 17.21).

Прославляя Василия I, Константин, с другой стороны, всячески стремится очернить его предшественника — Михаила III⁴⁴. Как показал Р. Дженкинз⁴⁵, образ Михаила составлен из черт, заимствованных из плутарховой биографии Антония и, по-видимому, из другой биографии Плутарха — из не дошедшего до нас «Нерона»: упоминание Нерона, несомненно, не случайное, имеется в «Житии Василия» (ThC, p. 250.17).

Общая характеристика, которую дает своему герою Константин Багрянородный, очень хорошо отражает то бурное время, когда было написано «Житие Василия», — время ожесточенной борьбы за землю, ожившейся, в частности, в новеллах императоров Македонской династии. В соответствии с требованиями момента Константин изображает своего деда защитником бедняков; он приписывает Василию постоянную заботу о благе подданных и о том, чтобы никто не совершал насилия (ThC, p. 315.12—13); говорит о его милости к беднякам и справедливости ко всем (ThC, p. 315.16—17). Программа социального мира изображается Константином как заповедь Василия I: бедняк не должен подвергаться насилию со стороны знати, но и сам он пусть не порицает богатых, не клеветает на них — динат, как брата, пусть обнимает убогого, а бедняк да прославит могущественного (τὸν ὑπερέχοντα) как спасителя и отца (ThC, p. 315.17—21. Ср. ThC, p. 344 sq.).

Политика Василия I, по словам Константина, оказалась успешной: «Слабые до сих пор члены бедняков укрепились, ибо он дал каждому возможность в безопасности обрабатывать свою пашню и возделывать виноградник, и никто не осмеливался отнять у бедняка отцовские оливы и смоковницы» (ThC, p. 258.17—20).

Таким образом, если верить Константину, Василию I удалось выполнить то, чего так бесплодно добивались современники царственного панегириста или, точнее говоря, о чем постоянно говорилось в императорских новеллах: решить аграрную проблему. Естественно, что читатель Константина должен был задуматься над тем, каким образом это удалось Василию: шел ли он тем же путем, что и правительство Романа Лакапина, или он нашел лучшие средства для решения этой проблемы. Константин Багрянородный следующим образом объясняет этот успех своего деда: Василий прежде всего приказал назначать на высшие должности «самых

⁴⁴ Именно на основании данных Продолжателя Феофана историография рисовала образ Михаила «Пьяницы». «В характеристике Михаила как человека, безнадежно испорченного и утратившего благородные качества души, не может быть двойного мнения, все писатели порицают этого царя-пьяницу», — утверждал Ф. И. Успенский [«История Византийской империи», т. II, ч. I. Ленинград, 1927, стр. 345. А. А. Васильев (A. Vasiliev. The Russian attack on Constantinople in 860. Camb., 1946, p. 153) писал о Ф. Успенском как о стороннике иной точки зрения, но приводимые им места говорят лишь о благоприятной оценке Ф. Успенским окружения Михаила III, но не его самого). Однако с начала 30-х годов делаются попытки пересмотреть традиционную оценку Михаила III. См. Н. Grégoire. Michel III et Basile le Macédonien dans les inscriptions d'Ancyre. Byz., vol. 5, 1930, p. 344 sq.; i d e m. Etudes sur l'épopée byzantine, p. 36; i d e m. Etudes sur le neuvième siècle. Byz., vol. 8, 1933, p. 515, 534; i d e m. Du nouveau sur le patriarche Photius. Acad. de Belgique. Bull. des lettres, vol. 20, 1934, № 3, p. 39. В частности, из гомилий Фотия встает совершенно иной образ Михаила III — см. F. Dvornik. Lettre à M. Henri Grégoire a propos de Michel III et des mosaïques de Sainte-Sophie. Byz., vol. 10, 1935, p. 5 sq. Ср. также R. J. H. Jenkins, C. A. Mango. The date and significance of the Xth homily of Photius. DOP, vol. 9—10, 1956, p. 128 f. М. В. Левченко («А. Грегуар и его работы по византиноведению». ВВ, III, 1950, стр. 232), полемизируя с попыткой А. Грегуара переоценить роль Михаила III, все же признает, что «историография Македонской династии стремилась сознательно очернить память этого императора».

⁴⁵ R. J. H. Jenkins. Constantine VII' portrait of Michael III, p. 73 f.

лучших людей» (τοὺς πάντων ἀρίστους); эти люди сохраняли «чистые руки», воздерживались от взяток и из всех добродетелей более всего ценили справедливость — они-то и не давали богатым притеснять бедняков (ThC, p. 257.21—258.5).

Далее Константин рассказывает о судебной реформе Василия, который облегчил крестьянам возможность лично искать справедливости в константинопольских судах и сам принимал активное участие в разборе крестьянских тяжб, защищая тех, кто пострадал от сборщиков податей (ὅπο τῶν εἰσπραττόντων τοὺς δημοσίους φόρους — ThC, p. 260.15—16); он приказал упорядочить податные списки, переписав их большими буквами, чтобы сами крестьяне могли их читать (ThC, p. 261.11—12). Константин не устает расхваливать податную политику Василия I, утверждая, что на всем протяжении счастливого правления этого императора все жители фем пользовались податными льготами и могли владеть без уплаты податей выморочными наделами соседей (ThC, p. 348.2—6). В то же время Константин порицает податных чиновников, которые стремятся к увеличению бремени налогов (ThC, p. 346.8—9).

Хотя, само собой разумеется, вся эта картина безмятежного счастья и полного благоденствия далеко не соответствовала реальной действительности, эти слова Константина все же представляют большой интерес, ибо они раскрывают, в чем писатель и император видел решение аграрного вопроса. При этом нельзя не заметить, что программа, отраженная в «Житии Василия», коренным образом отличается от той аграрной программы, которая вызвала к жизни законодательство Романа Лакапина. Если Роман Лакапин объявлял виновником тяжелого положения в деревне дината, своекорыстно захватывающего земли «убогого», то «Житие Василия» перекладывает ответственность на чиновничий аппарат, прежде всего на податных сборщиков. По мнению автора жития, разрешение аграрной проблемы может дать упорядочение сбора податей, организация справедливого суда, уничтожение взяточничества и пр. Короче говоря, он ищет причину зол не в деятельности феодалов, захватывающих крестьянские земли, но в деятельности чиновничества⁴⁶.

Резко неприязненное отношение Константина к чиновничеству проступает и в его нападках на евнухов (ThC, p. 318.8—10), игравших столь значительную роль в византийской бюрократической машине.

Подводя итоги, мы можем видеть, что автор «Жития Василия» (а это был, по всей вероятности, Константин VII Багрянородный), осуждавший чиновничество за взяточничество и вымогательство при сборе податей, нападавший на евнухов и в то же время защищавший принцип знатности, был выразителем интересов провинциальной феодальной знати.

Коль скоро «Житие Василия» оказывается чрезвычайно тенденциозным памятником, встает вопрос о достоверности его данных.

Есть круг фактов, сообщаемых Константином, относительно которого мы можем ожидать от царственного историка большой достоверности: мы имеем в виду сведения о самой императорской семье. Так, Константин —

⁴⁶ Аграрное законодательство X в. было в недавнее время предметом специального исследования (см. P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», vol. 219, 1958, p. 265 sq.). П. Лемерль полагал, что все византийские императоры от Романа Лакапина до Василия II осуществляли одинаковую аграрную политику и что динаты в новеллах X в. — не крупные земельные собственники, а чиновники. См. наши возражения: А. П. К а ж д а н. Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. ВВ, XVI, 1959, стр. 92 сл. Если принять точку зрения П. Лемерля, останется непонятным то враждебное отношение к податной политике Романа Лакапина, которое мы встречаем как в новеллах Константина VII, так и в нарративных памятниках, составленных в его царствование (там же, стр. 112).

единственный из всех греческих историков, сообщающий о дочерях Василия. В «Житии Василия» сказано, что у императора было дочерей столько же, сколько и сыновей (ThC, p. 264.17), т. е. четверо. В «Книге церемоний» он называет их имена: Анастасия, Анна, Елена и Мария⁴⁷. Это известие подтверждается еврейской хроникой Ахимааза из Ории (850—1054), где рассказывается о взрослой дочери Василия, которую в самом начале его правления вылечил от тяжелой болезни рабби Шефатья⁴⁸.

Другие известия Константина о семье императора подтверждаются византийскими хрониками. И Константин, и хроника Логофета рассказывают о размолвке, которая возникла между Василием и Львом в результате интриг Сантаварина⁴⁹.

Но в некоторых случаях хроника Логофета дает иные сведения о семье Василия, нежели Константин. Так, «Житие Василия» называет Константина сыном Василия и даже любимым его сыном (ThC, p. 345.4—5, 348.12—13), тогда как хроника Логофета считает его сыном Евдокии Ингерини от Михаила и, только «по мнению людей», сыном Василия. «Его, — добавляет впрочем хроника Логофета, — Василий горько оплакивал, так как весьма любил»⁵⁰.

Доверять в данном случае известию хроники Логофета нет никаких оснований. Прежде всего, сам Логофет подтверждает, что Василий горячо любил Константина. Константин был венчан на царство и принимал активное участие в руководстве военными действиями. Уже одно это заставляет нас усомниться в справедливости суждения хроники Логофета, высказанного так решительно.

Далее, можно заметить, что автор хроники Логофета (или его источник) был вообще плохо осведомлен о семейной жизни Василия. Так, о крещении Стефана, младшего сына Василия, он рассказывает прежде, чем о рождении его старшего брата Александра⁵¹. Это связано с тем, что автор жизнеописания Василия, положенного в основу пратекста хроники Логофета, не принадлежал к числу сторонников этого императора. К тому же, будучи противником его, он мог сознательно раздувать сплетни, связанные с Евдокией Ингерининой.

Константин Багрянородный был, бесспорно, хорошо осведомлен о семейной истории своего деда. Он, естественно, мог бы не упомянуть, что его старший дядя был сыном Михаила, как не упомянул он о том, что его бабка была любовницей этого императора (о Евдокии Ингерине он отзывается с похвалой, хотя и мимоходом — ThC, p. 235.5—8); но автор обладал достаточным тактом, чтобы не называть несколько раз сына Михаила III «возлюбленным сыном» своего деда. У нас нет оснований не доверять Константину в этом.

Однако далеко не обо всем Константин был так хорошо осведомлен, как о семейных делах своего деда. Отсутствие осведомленности прояв-

⁴⁷ *Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae byzantinae*, vol. I. Bonnae, 1829, p. 648. 20—649. 6.

⁴⁸ D. Kaufmann. *Die Chronik des Achimaaz über die Kaiser Basilio I. und Leon VI.* BZ, Bd. 6, 1897, S. 102.

⁴⁹ ThC, p. 348. 10 sq. Ср. Георгий Амартол. Хронограф, стр. 763. 3 сл.; ThC, p. 697. 3 sq.

⁵⁰ Георгий Амартол. Хронограф, стр. 761. 6—8; ThC, p. 693. 5.

⁵¹ ThC, p. 688. 12. Н. Адонц (N. Adontz. *La portée historique de l'oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage.* Byz., vol. 8, 1933, p. 505) был склонен принять точку зрения Логофета и считал Александра младшим из сыновей Василия; он, однако, не учел прямого известия «Псамафийской хроники» (P. Karlin-Hauter. *Vita S. Euthymii.* Byz., vol. 25—27, 1955—1957, p. 10. 20); G. T. Kolias. *Βιογραφικά Στεφάνου Α' οἰκουμένης πατριάρχου.* «Προσφορά εἰς Στ. Κυριακίδην». Θεσσαλονίκη, 1953, σελ. 362, ὑποσ. 18.

ляется прежде всего в раздвоении некоторых событий. Такова, например, судьба рассказа о мятеже патрикия Симбатия.

Армянин Симбатий, патрикий и логофет дрома, был, как рассказывает Константин, зятем кесаря Варды (ThC, p. 237.4). Он принимал участие в убийстве Варды⁵² и после этого получил пост стратига Фракисийской фемы. Когда же Василий был провозглашен соправителем императора, Симбатий вместе с патрикием Пигани, занимавшим пост стратига Опсикия, поднял восстание и стал жечь поля константинопольской знати. Восставшие, говорит Константин, провозглашали императором Михаила (*εὐφημοῦντες μὲν τὸν Μιχαὴλ ὡς βασιλέα*), а Василия всячески поносили. Мятеж Симбатия и Пигани был подавлен, сами они ослеплены, а Симбатий к тому же еще и лишен руки (ThC, p. 240 sq.). Здесь, следовательно, мятеж отнесен ко времени совместного правления Михаила III и Василия I (866—867).

В другом месте Константин снова рассказывает о восстании Симбатия. «Ибо благие дела, — начинает Константин свой рассказ, — всегда порождают зависть» (ThC, p. 263.3). И благие дела Василия, полагает он, вызвали восстание Симбатия и Георгия, которые заслуживали крайнего наказания, но по милости императора были только подвергнуты ослеплению (ThC, p. 263.16—18). В этом случае восстание Симбатия и Георгия Константин относит уже ко времени единовластия Василия I.

Вслед за ним и поздние хронисты поместили это восстание в начале правления Василия. Скилица говорит о «заговоре» Симбатия и Георгия уже после восстановления патриарха Игнатия и прямо датирует его первым годом правления Василия (Cedrenus, vol. II, p. 205.16). Вслед за Скилицей и Зонара относит восстание к началу правления Василия⁵³.

Однако на самом деле имело место лишь одно восстание Симбатия. Данные хроники Логофета позволяют прежде всего установить, что Пигани и Георгий в версии Константина — одно и то же лицо, ибо Логофет называет соратника Симбатия «стратилатом Георгием Пигани» (ThC, p. 833.13). Далее, Логофет ведет свой рассказ в соответствии с первой версией «Жития Василия» и относит восстание ко времени совместного правления Михаила и Василия. Особенно большое место Логофет уделяет победе Никифора Малеина над Симбатием⁵⁴.

Итак, рассказ о восстании Симбатия и Георгия Пигани в «Житии Василия» раздвоился, превратился в повествование о двух мятежах, оканчивающихся, впрочем, одинаково ослеплением их вождей.

В других случаях в «Житии Василия» два события сливаются в одно. Уже давно было отмечено недоразумение, которое имеется у Константина в рассказе об италийских событиях⁵⁵. Константин сообщает, что арабы в начале правления Василия осадили Дубровник, но, узнав о движении византийского флота на помощь Дубровнику, отплыли в Италию и заняли город Бари (ThC, p. 290.19—22). Аналогичный рассказ имеется и в книге «Об управлении империей»⁵⁶.

⁵² См. А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. I, стр. 205.

⁵³ Zonaras Epitome, vol. IV, p. 24. 21.

⁵⁴ ThC, p. 833 sq. Псевдо-Симеон передает сокращенную версию (ThC, p. 680 sq.) А. Фохт, упоминая о мятеже Симбатия (A. Vogt. Basile Ier, empereur de Byzance. Paris, 1908, p. 40, 152 sq.), правильно относит его ко времени вслед за убийством Варды, однако не останавливается на противоречивой трактовке этого вопроса в «Житии Василия».

⁵⁵ F. Hirsch. Op. cit., S. 253 f.

⁵⁶ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 29. 88—102. См. J. В. Вугу. Op. cit., p. 547. Дж. Бьюри указал также, что этот эпизод использован и в книге «О фемах»; он считал, что Константин трижды независимо переработал один документ: сперва он изло-

Однако западные хронисты датируют взятие Бари арабами не 868 г., как вытекает из «Жития Василия», но 841 г. Противоречие это объясняется тем, что в сочинениях Константина произошло слияние рассказов о двух различных походах арабов на Дубровник, оба эти похода отмечены в «Кэмбриджской хронике»: первый относится к 840 г., второй — к 867—868 гг.⁵⁷

В других случаях автор «Жития Василия» не соблюдает хронологической последовательности событий. Так, он рассказывает о походе Насара и Прокопия в Италию (ThC, p. 302—308) и лишь затем переходит к описанию осады и взятия арабами Сиракуз (ThC, p. 309 sq.). На самом же деле последовательность была обратной: Сиракузы пали 21 мая 878 г., тогда как экспедиция Насара и Прокопия относится к 879—880 гг.⁵⁸

Далее, Константин, рассказав о первом походе ромеев против павликиан (весна 868 г.), отмечает, что после недолгой осады Тефрики Василий двинулся против Самосаты и Мелитины (ThC, p. 267 sq.). Однако арабские хронисты ничего не знают об этом походе, но сообщают зато о взятии ромеями Самосаты и об осаде Мелитины под 873 г. Этот поход ромеев в Сирию произошел уже после окончательного разгрома Тефрики в 871—872 гг.⁵⁹

Константин откровенно признает, что его рассказ о войнах излагает события не в той последовательности, в какой они происходили, точное время каждого события ему было неизвестно, поэтому изложение он вел не в хронологическом порядке (ThC, p. 313.17—20). В другом месте он подробно объясняет причину этого: «Если о столь великих событиях мы рассказали коротко, просто, так сказать, бегло, не следует этому удивляться, ни порицать [нас] за это. Ведь, с одной стороны, рассказ как бы подражает быстроте этих событий и поэтому он так прост и бегл. . . С другой стороны, из-за того, что с тех пор прошло много времени и детали событий (τὰ κατ' ἑκάστα τῶν ἔργων) как бы помрачились из-за молчания промежуточного времени (διὰ τῆς μεταξὺ σιγῆς), мы не можем ни знать, ни рассказать ни о характере боевого строя, ни об атаках, ни о развертывании и свертывании фаланг, ни о своевременности применения военных хитростей. Невозможно остановиться и на частностях, за счет которых [обычно] разрастается рассказ» (ThC, p. 279.14—280.2).

В этом замечании обращает на себя внимание утверждение Константина о том, что он не пользовался письменными источниками, что детали событий и их последовательность к его времени были забыты «из-за молчания промежуточного времени». Это обстоятельство и привело к тому, что мы уже могли наблюдать: хотя основные эпизоды истории Василия I не выдуманы Константином, все же последовательность событий произвольна, а из-за пороков устной традиции отдельные факты могли раздваиваться или, наоборот, два факта могли слиться в один.

жил его в сокращенном виде в книге «О фемах»; затем в «Житии Василия» придал рассказу литературную форму; версия книги «Об управлении империей» наиболее близка оригиналу (ibid., p. 550 f.).

⁵⁷ А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. I. Приложение, стр. 82 сл. См. А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. II, стр. 13; J. G a y. L'Italie méridionale et l'Empire byzantin. Paris., 1904, p. 92. Ж. Гэй пытается объяснить рассказ Константина тем, что пираты, напавшие на Дубровник в 867 г., опирались на поддержку в Бари. Имена арабских полководцев, приведенные Константином, относятся к разным походам: султан Муфарег ибн-Салем началствовал во время второго похода, тогда как Кальфун и Саба действовали в 840—841 гг. (А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. II, стр. 13, прим. 3; J. В. В и г у. Op. cit., p. 547, n. 3).

⁵⁸ А. А. Васильев. Византия и арабы. . . , т. II, стр. 65 сл., 75 сл.

⁵⁹ Там же, стр. 38 сл. и особенно стр. 42 сл.

Итак, мы можем видеть, что «Житие Василия» представляет собою памятник тенденциозный, отражающий интересы феодальной знати из окружения Константина VII; автор, по-видимому, опирался в основном на устную традицию⁶⁰, что приводило иногда к искажению событий или, правильнее сказать, к смешению фактов.

Третья часть хроники Продолжателя Феофана охватывает время правления Льва VI и Александра, малолетство Константина VII, царствование Романа Лакапина и первые годы самостоятельного правления Константина — до смерти и погребения низложенного Романа в 948 г. (ThC, p. 441.11—14). Эта часть хроники заканчивается там же, где заканчивается хроника Логофета, и текстually чрезвычайно близка к ней, особенно ко второй ее редакции⁶¹.

Хроника Симеона Логофета, как мы старались показать⁶², возникла в аристократических кругах, близких к Роману Лакапину, т. е. в иной среде, нежели первые две части хроники Продолжателя Феофана. В дальнейшем она подверглась переработке в кругах феодальной знати, близких к дому Фок, результатом чего явилась вторая редакция. После этого она вновь подверглась переработке: в нее были внесены две группы вставок, имеющихся у Продолжателя Феофана и отсутствующих во второй редакции хроники Логофета.

С одной стороны, это вставки, имеющие отношение к Роману Лакапину, которые Ф. Гирш характеризует как благоприятные для этого императора⁶³. Более осторожным, однако, было бы воздержаться от определения отношения автора вставок к Роману I: он говорит о благорасположении Романа к монахам⁶⁴, о сне, который Роман видел, уже будучи сосланным⁶⁵, но все эти вставки слишком неопределенны, чтобы из них делать какие-либо далеко идущие выводы. К тому же Гирш допускает прямую ошибку, утверждая, что рассказ о завещании Романа отсутствует в ватиканской рукописи Георгия: на самом деле он там имеется⁶⁶.

Более существенное значение имеет вторая группа вставок, автор которых передает ряд подробностей относительно двух знатных феодальных родов X в.: Аргиров и Куркуасов. При этом можно видеть, что автор благорасположен к этим родам, заинтересован в их судьбе.

Говоря об Аргирах, автор вставок называет их «прекрасным и добрым родом» (ThC, p. 368.22); Романа Аргира он считает мужем, отличавшимся телесной красотой, внешним обликом и разумом (ThC, p. 399.9); Пофа

⁶⁰ Дж. Бьюри полагал, что Константин Багрянородный еще до 945 г. приступил к собиранию материалов, которыми он не только сам пользовался в своих сочинениях, но и предоставлял своим сотрудникам (J. V. V i g u. Op. cit., p. 576 f.). Однако эти материалы, если они действительно существовали, сами основывались по большей части на устных преданиях, а не на документах — только этим можно объяснить характер ошибок автора «Жития Василия».

⁶¹ Сопоставление было проделано уже Ф. Гиршем (F. H i r s c h. Op. cit., p. 41 f.). А. Рамбо (A. R a m b o a u d. L'empire grec au Xe siècle. Paris, 1870, p. 545 sq.) ошибочно полагал (не аргументируя своей точки зрения), что если не вся VI книга (по делению Комбефиса) хроники Продолжателя Феофана, то по крайней мере история царствований Романа Лакапина, Константина VII и Романа II принадлежит одному автору; на основании этого он неверно датировал эту часть хроники, считая, что она в с я возникла в правление Никифора Фоки. См. критические замечания: F. H i r s c h. Op. cit., S. 273 f.

⁶² См. А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета, стр. 142 сл.

⁶³ F. H i r s c h. Op. cit., S. 272.

⁶⁴ ThC, p. 433.15—434.2. Cp. В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха, т. II, Пг., 1922, стр. 63.21.

⁶⁵ ThC, p. 438.10—440.14. Cp. В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 65.18.

⁶⁶ В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 64.4—9. См. F. H i r s c h. Op. cit., S. 270.

Аргира — мужем прекрасным и опытнейшим (ThC, 400.3). С еще большей похвалой он отзывается об Иоанне Куркуасе, рассказывая о его многочисленных победах над арабами, послуживших предметом специальной «Истории во восьми книгах» некоего Мануила (ThC, p. 427.20—428.2).

Аргир и Куркуасы принадлежали к той группе феодальной знати, которая была близка к Роману Лакапину: Роман Аргир был даже зятем императора (ThC, p. 399.8); Иоанн Куркуас с 923 г. занимал высшую командную должность domestika schol⁶⁷. Это могло бы объяснить нам интерес и осведомленность автора вставок относительно Романа I; но тем более интересно, что сам он занимает, собственно говоря, нейтральную позицию и отнюдь не испытывает по отношению к этому императору того восторга, который выказывал Симеон Логофет.

Аристократическая переработка второй и третьей частей второй редакции хроники Логофета, дошедшая до нас в виде третьей части хроники Продолжателя Феофана, была составлена в правление Никифора Фоки, ибо она называет его императором, тогда как его приемника Иоанна Цимисхия знает только как частного человека⁶⁸.

Четвертый и последний раздел хроники Продолжателя Феофана охватывает основную часть самостоятельного правления Константина VII и начало царствования его сына Романа II; повествование доведено до завоевания Крита (961 г.) и обрывается на середине фразы. Естественно, что в неповрежденной рукописи четвертая часть хроники Продолжателя Феофана не завершалась этими событиями, однако до какого момента доходило в ней изложение, мы судить не можем.

Четвертая часть хроники Продолжателя Феофана написана современником событий, хорошо знающим действующих лиц и живо заинтересованным в той политической борьбе, которая разворачивалась в это время. Об этом свидетельствуют, например, ожесточенные нападки автора на некоего Зонару, незначительного чиновника ведомства градского епарха, которого он называет «чумой и болезнью государства ромеев» (ThC, p. 442.7—8). Такая ненависть к второстепенному чиновнику может быть понятна только в сочинении современника. Точно так же описание похорон Константина VII, подробное и яркое (ThC, p. 466 sq.), и рассказ о подготовке критской экспедиции, к которому мы еще вернемся, могли быть написаны только очевидцем событий.

Текст хроники позволяет также догадываться, что автором ее был человек, близкий к олимпийскому монашеству и бывавший на Олимпе. Описывая путешествие Константина VII на Олимп (ThC, p. 463 sq.), он чрезвычайно подробно рассказывает о местности, об окрестных городах и горах, о грамотах, хранящихся в архиве монастырей.

Давно уже высказывалось предположение, что автором этой части был известный византийский писатель Феодор Дафнопат (см. о нем выше, стр. 80). Основанием для такого предположения послужило замечание Скилицы во введении к его хронике: Скилица называет Дафнопата среди авторов известных ему тенденциозных сочинений, посвященных описанию узкого периода времени⁶⁹.

Впрочем, уже Ф. Гирш обратил внимание на то, что части хроники Скилицы, посвященные истории Константина VII и Романа II (т. е. те,

⁶⁷ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 240.

⁶⁸ F. Hirsch. Op. cit., S. 271 f. Это обстоятельство подтверждает догадку о времени составления второй редакции хроники Симеона Логофета, которая возникла до смерти Никифора Фоки (см. А. П. К а ж д а н. Хроника Симеона Логофета, стр. 131).

⁶⁹ Ф. И. Успенский. Охридская рукопись Иоанна Скилицы Куропалата. ИРАИК, т. IV, 1899, вып. 2, стр. 3.

которые соответствуют четвертой части хроники Продолжателя Феофана), взятая Скилицей не из этой хроники, а из другого источника⁷⁰. Основываясь на этом наблюдении, В. В. Латышев отвергал возможность считать Феодора Дафнопата автором последней части хроники Продолжателя Феофана. К тому же он указал, что некоторые черты этой хроники прямо противоречат такому допущению. В. В. Латышев отметил, что в хронике совершенно не упомянуто то церковное торжество, которому Феодор Дафнопат посвятил свое слово на перенесение в Константинополь «руки св. Иоанна Предтечи»; далее, В. В. Латышев указал, что неодобрительный отзыв хроники о патриархе Феофилакте, сыне Романа Лакапина, не мог быть высказан Дафнопатом, ибо он противоречит отзыву, который мы находим в письмах и речи к митрополитам подлинного Феодора Дафнопата⁷¹.

Возражения В. В. Латышева были поддержаны М. Я. Сюзюмовым, который, однако, приходит к выводу, что Феодор Дафнопат был автором первой части хроники, ибо этой хроникой Скилица как раз пользовался⁷². Развивая этот взгляд, венгерский историк Геза Фехер утверждал, что Феодор Дафнопат был редактором первых пяти книг хроники, куда он вставил различные упоминания о Никифоре Фоке (!?); он же присоединил сюда и первую половину VI книги, заимствованную из хроники Симеона Логофета⁷³.

Противоположная точка зрения была высказана казанским византистом С. Шестаковым; по его мнению, стиль хроники Продолжателя Феофана имеет определенные черты сходства со стилем слов Дафнопата, изданных В. В. Латышевым⁷⁴. Однако С. Шестаков не приводит текстологически близких отрывков из хроники и слов, тогда как только с помощью такого приема можно было бы с безусловной убедительностью доказать авторство Дафнопата; он ограничивается лишь указанием на сходные выражения, которые, кстати сказать, встречаются и у других византийских авторов. Кроме того, мы ни в коей мере не можем согласиться с попыткой С. Шестакова рассматривать всю хронику как цельное произведение, принадлежащее одному автору: мы уже видели, что она отчетливо распадается на четыре части.

Последняя часть хроники Продолжателя Феофана обладает определенными стилистическими особенностями: особенно характерно для нее пристрастие к штампам, к повторяющимся выражениям. Автор любит, например, сравнение с птицей; *πτηνὸν ταχύτερον* (ThC, p. 445.8), *ὡσπερ πτηνός* (ThC, p. 448.22), *ὡς ἀετός* (ThC, p. 444.2)⁷⁵. Для характеристики градских эпархов он находит почти совершенно одинаковые выражения: эпарха Феофила он называет *ἄνδρα λόγιον καὶ πρὸς τοὺς πολιτικοὺς νόμους ἰκανόν* (ThC, p. 444.7), эпарха Феодора — *ἄνδρα ἰκανόν καὶ λόγιον, πρὸς τοὺς νόμους πολυπειρίαν καὶ εὐφύϊαν ἔχοντα* (ThC, p. 461.6—7), эпарха Сициния — *ἄνδρα λόγιον καὶ πρὸς κοινὸν ἐπιτήδειον* (ThC, p. 470.5).

⁷⁰ F. Hirsch. Op. cit., S. 279 f., 284, Anm. 1.

⁷¹ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. XV—XVII.

⁷² М. Сюзюмов. Об историческом труде Феодора Дафнопата. ВО, т. 2, 1916, стр. 297 и сл.

⁷³ Работа Фехера нам недоступна — см. заметку R. V(ari). BZ, Bd. 24, 1924, S. 138.

⁷⁴ С. Шестаков. К вопросу об авторе Продолжения Феофана. «Deuxième congrès international des Études byzantines». Belgrade, 1929, стр. 35 и сл.

⁷⁵ Ср. у Феодора Дафнопата: *ἰσα πτηνοῖς* (В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 21. 5). Впрочем, аналогичные сравнения встречаются и у других авторов, например у Никиты Хониата.

Особенно резко эта склонность к штампам, к «общим местам» проступает в характеристике внутренней политики Константина VII и Романа II, для чего автор использует буквально одни и те же выражения:

О Константине VII

(ThC, p. 456.13—19)

καὶ τοὺς ἐξ εὐγενοῦς φύντας ἐκλογὴν ἐποιεῖτο. καὶ τοὺς μὲν ἀξιωματῶν καταλαμπρῶνει τιμαῖς, τοὺς δὲ μεγαλοπρεπέσι φιλοτιμεῖται δωρεαῖς, καὶ συνεστίους καὶ ὁμοδιαίτους ποιεῖται καὶ τὸ φίλτρον μᾶλλον ἐπήρξει τῆς ἐκείνου (1) εὐνοίας καὶ ἀντὶ πολλῶν σωματοφυλάκων καὶ φρουρῶν καὶ σωτήρων τούτους μᾶλλον προέκρινεν.

О Романе II

(ThC p. 471. 5—10)

καὶ τὰ εὐγενῆ καὶ καθαρὰ τῶν γενῶν ποιεῖται δι' ἐκλογῆς, καὶ οὓς μὲν ἀξιωματῶν καταλαμπρῶνει τιμαῖς, οὓς δὲ μεγαλοπρεπέσι φιλοτιμεῖται δωρεαῖς. ἐσθ' ὅτε συνεστίους ποιούμενος, ἀργύρια παρέχων, τὸ φίλτρον μᾶλλον ἐπήρξει καὶ ὑπανέφλεγεν καὶ τὴν ἐκείνων εὐνοίαν ἀντὶ πολλῶν φρουρῶν καὶ φυλάκων προέκρινεν.

В то же время мы не находим подобных общих мест в других частях хроники — даже там, где мы могли бы их ожидать. Например, первая и четвертая части хроники содержат сходный эпизод: пострижение сестер императора. Однако изложение этих эпизодов в разных частях хроники лишено каких-либо черт параллелизма и по стилю принадлежит разным авторам:

О Михаиле III

(ThC, p. 174.6—7)

ἀποκείρουσί τε ταύτην (Φεοδору) μετὰ τὰς θυγατέρας ὁμοῦ, καὶ τοῖς κατὰ τὰ Καριανοῦ ἀνακτοραῖς τότε μὲν περιορίζουσιν.

О Романе II

(ThC, p. 471.11—18)

τὰς δὲ ἀδελφὰς αὐτοῦ... ἐκ τῶν βασιλικῶν δόμων εἰς τὰ Κανικλείου... κατήγαγεν καὶ μοναχὰς ἀπέκτειρεν, πολλὰ καὶ τῆς Ἑλένης τῆς μητρὸς Ῥωμάνου καὶ αὐτῶν ἀπολοφυρομένων καὶ ἀποκλαιουσῶν καὶ τῇ χειρὶ παρ' ἀλλήλων σφίγγουσῶν καὶ τῷ τραχήλῳ ἐπικειμένων, πλέον οὐδὲν ὠφέλησαν ἢ κωφοῖς καὶ κενοῖς δάκρυσιν.

Таким образом, предложенная С. Шестаковым гипотеза о том, что автором в с е й хроники Продолжателя Феофана был Феодор Дафнопат, не представляется достаточно убедительной. Однако некоторые особенности ч е т в е р т о й части хроники получили бы хорошее объяснение, если допустить, что эта часть хроники написана Дафнопатом. Мы имеем в виду прежде всего тот специальный интерес к делам ведомства градского эпарха, который отличает последнюю часть хроники.

Эта часть хроники, охватывающая короткий хронологический период (948—961), отмечает всех четырех эпархов, которые сменились за это время, и дает им (особенно Сисинию) развернутые, хотя и однообразные, характеристики; она упоминает, далее, двух помощников эпарха Сисиния: симпона Феофилакты Мацидика и логофета претория Иосифа (ThC, p. 470. 13—17). Автор хроники с горячей ненавистью говорит, как мы уже знаем, о чиновнике ведомства градского эпарха Зонаре, называя его вором и даже чумой государства ромеев.

Этот особый интерес к делам ведомства градского эпарха был бы вполне естествен в хронике, написанной Дафнопатом, который сам был градским эпархом — преемником Сисиния⁷⁶. При этом хроника, обычно подробно характеризующая каждого эпарха, воздерживается от каких-

⁷⁶ ThC, p. 470. 7—8. Эпархом назван Дафнопат и в надписании одного из его частных писем (В. В. Л а т ы ш е в. Указ. соч., стр. VIII).

либо суждений о Дафнопате: о нем даже не сказано, что он был *ἀνὴρ λόγιος*, что говорится о каждом епархе⁷⁷.

Наиболее существенное возражение, выдвигаемое Ф. Гиршем и поддержанное Латышевым и Сюзюмовым, а именно то обстоятельство, что Скилица не пользовался последней частью хроники Продолжателя Феофана, также не может ни в коей мере отвергнуть возможность авторства Дафнопата: ведь Скилица нигде не говорит о том, что он поль з о в а л с я сочинением Дафнопата, но лишь порицает его за панегирический тон в отношении императора. Скилица не пользовался и некоторыми другими сочинениями, названными им в предисловии к хронике, и в частности «Житием Игнатия» Никиты Пафлагона. Сочинения, которые Скилица называет в предисловии, отнюдь не являлись для него образцом — он ссылается на них как на пример неверного подхода к историческому материалу. Поэтому отсутствие у Скилицы данных, почерпнутых из четвертой части хроники Продолжателя Феофана, позволяет считать, что хронист конца XI в., зная труд Дафнопата, отдал при написании своей хроники предпочтение другому историческому сочинению.

Итак, мы можем считать возможным авторство Дафнопата, хотя это предположение, разумеется, остается в настоящее время весьма гипотетичным.

Если автор последней части хроники может быть установлен лишь предположительно, то зато сравнительно точно можно определить время ее составления. Она, разумеется, не могла быть написана ранее 961 г., ибо автор довел свое повествование, по крайней мере, до этого года. В то же время сомнительно, чтобы эта часть хроники была написана позднее 963 г., ибо автор, сочувственно пишущий о Никифоре Фоке, нигде не называет его императором, что было бы вполне естественно, если бы хроника была составлена в правление Никифора или еще позднее.

Это соображение подтверждается и отношением автора к Иосифу Вринге, бывшему временщиком в правление Романа II. Он называет Врингу мужем умным, прямым и верным (ThC, p. 466.16), честным, прямым и недремлющим умом (ThC, p. 475.2; ср. еще p. 445.7—10). Такое отношение к Иосифу Вринге было бы, кстати сказать, вполне естественным со стороны Дафнопата, ибо последний был назначен на пост градского епарха Романом II, а правильнее сказать, — Врингой; иначе говоря, патрикий Феодор Дафнопат принадлежал к ближайшему окружению Иосифа Вринги. С приходом к власти Никифора Фоки Дафнопат был отстранен от этой должности, по-видимому, за близость к Вринге⁷⁸.

Как бы то ни было, хроника отличается панегирическим в отношении Вринги тоном, столь противоположным тону других историков — Льва Диакона и Скилицы. Однако сочетание панегирического тона по отношению к Вринге с прославлением Фок, и в частности Никифора, могло иметь место лишь до летних событий 963 г., когда Вринга, арестовав родственников Фоки, открыто перешел к подготовке гражданской войны⁷⁹.

Таким образом, время составления последней части хроники Продолжателя Феофана может быть определено с большой точностью: она была

⁷⁷ В. В. Латышев, обративший внимание на это обстоятельство, сделал из него, однако, другой вывод: он считал, что подобная характеристика Дафнопата свидетельствует против гипотезы о его авторстве, ибо он не мог написать о себе так сухо. Напротив, нам кажется, что в произведении, вышедшем под именем Дафнопата, трудно было бы ожидать иной его характеристики.

⁷⁸ М. Я. Сюзюмов. Об историческом труде Феодора Дафнопата, стр. 298, прим. 1.

⁷⁹ F. Hirsch. Op. cit., S. 276 f.

составлена между мартом 961 г. и летом 963 г. Предполагая, что утерянная часть хроники повествовала о некоторых событиях, совершившихся после взятия Крита византийцами, мы могли бы даже ограничить это время 962—началом 963 г.

Переходим теперь к рассмотрению политических взглядов автора последней части хроники Продолжателя Феофана.

Последняя часть хроники представляет собою чрезвычайно тенденциозный памятник, автор которого нередко сознательно искажает действительность. Для тенденции автора чрезвычайно характерна симпатия к аристократическим родам и прежде всего к роду Фок. Он называет Никифора Фоку мужем, отличившимся во многих войнах (ThC, p. 459.17—18), а его брата Льва — мужем лучшим и способнейшим для войны с агарянами (ThC, p. 462.7—8); о Никифоре он говорит далее как о вожде честном и прямом (ThC, p. 473.19).

Несколько сдержанней, но все же с сочувствием говорит он о тех знатных родах, которые играли выдающуюся роль при Романе Лакапине: Иоанна Куркуаса он называет мужем разумным и опытным (ThC, p. 443.7); останавливается на судьбах Аргиров, рассказывая об удачном походе Мариана Аргира в Южную Италию в 955 г.⁸⁰, об успешной борьбе Пофа Аргира с венграми (ThC, p. 463.1), о походе Мариана Аргира на венгров (ThC, p. 480.14); говорит о таких близких к Роману Лакапину людях, как Роман Саронит (ThC, p. 443.18—19), зять Лакапина, как Василий, побочный сын Лакапина, о котором он отзываясь с большой похвалой (ThC, p. 442.22), как эпарх города Феофил, «муж разумный и знающий гражданские законы».

Аристократизм автора последней части хроники Продолжателя Феофана особенно резко проявился в одном случае искажения исторической действительности. Говоря о Феофано, жене императора Романа II, он заявляет, что она происходила от благородных родителей (ThC, p. 458.9). Это сообщение — прямое извращение фактов, которое противоречит рассказу Льва Диакона о низком происхождении дочери лавочника Кратера⁸¹, ставшей затем последовательно супругой трех императоров. Известие Льва Диакона подтверждает и Скилица⁸². Автор последней части хроники Продолжателя Феофана извращает действительность, ибо аристократизм не позволяет ему примириться с низким происхождением жены императора.

Любимый герой последней части хроники — Константин VII. Хронист называет его самым философским умом (ThC, p. 446.3—4), мудрецом (ThC, p. 447.19), избражает судьей праведным (ThC, p. 448.3—14). «Он ценил добродетель и знание, — говорит хронист, — как никто другой из правивших» (ThC, p. 447.8—9). По словам хрониста, Константин любил сограждан больше, чем свое родное потомство, и был любим ими (ThC, p. 456.12—13). Такая характеристика Константина VII была бы, кстати сказать, вполне естественной в сочинении, написанном Феодором Дафнопатом, ибо, говоря словами Латышева, «Дафнопат, как видно из речи его на перенесение руки св. Иоанна Предтечи, произнесенной в первую годовщину этого события в 957 г., сохранил чувства глубокой верноподданнической преданности к императору»⁸³.

⁸⁰ ThC, p. 453. 20 sq. См. об этом S. R u n c i m a n. The emperor Romanus Lecapenus and his reign. Cambridge, 1929, p. 193.

⁸¹ L e o D i a c o n u s. Historia. Bonnae. 1928, p. 31. 11.

⁸² C e d r e n u s, II, p. 329. 8—10. Cp. G. S c h l u m b e r g e r. Un empereur byzantin au X^e siècle., Nicéphore Phocas. Paris, 1890, p. 6 sq.

⁸³ В. В. Л а т ы ш е в. Указ. соч., стр. VII.

При этом автор подчеркивает аристократический характер правления Константина VII, указывая, что опорой правительства являлись знатные лица (ThC, p. 456.14), которым Константин раздавал чины и подарки. Из представителей этой знати состояло ближайшее окружение императора, которого они любили более, чем самих себя (ThC, p. 456.18).

Социальная программа автора, перекликающаяся — что вполне естественно — с программой «Жития Василия», особенно отчетливо проступает при характеристике аграрной политики Константина VII. «Император слышал, — говорит он, — о несправедливостях и поборах, которым подвергались несчастные «убогие» со стороны стратигов и протонотариев, стратиотов и всадников при тесте его Романа; и он послал благочестивых и добродетельных людей для того, чтобы они облегчили бремя поборов, взимавшихся с несчастных бедняков» (ThC, p. 443.13—18).

Таким образом, по мнению автора хроники, именно податное бремя, а не наступление феодалов оказывалось наиболее тяжким гнетом, ложившимся на «убогих»; и разрешение проблемы он видит в облегчении податного бремени и назначении добродетельных чиновников — по-видимому, из представителей знатных родов.

К преемнику Константина VII Роману II хронист относится несколько иначе. Он, правда, одобрительно подчеркивает, что Роман II опирался на знатные роды (ThC, p. 471.5), и поэтому утверждает, что государство при Романа процветало (ThC, p. 473.3—4). Однако хрониста смущает, что молодой император совершенно отстранился от власти и отдает все свое время охоте (ThC, p. 472.7—13; ср. еще ThC, p. 472.15—21). Но если личное поведение Романа II смущает хрониста, то он полностью одобряет политику царствования Романа, руководителями которой были Иосиф Вринга и Фоки. Это отношение к политике Иосифа особенно отчетливо выражено в рассказе о подготовке похода на Крит, когда, как рассказывает хронист, члены синклита выступили противниками активной внешней политики и стали указывать на непреодолимые трудности опасного морского похода (ThC, p. 474.14—16). Все симпатии автора — на стороне Вринги, призывавшего смело выступить против арабов (ThC, p. 475.3—10).

Мы рассмотрели политическую программу последней части хроники Продолжателя Феофана и можем видеть, что это сочинение возникло в аристократических кругах, близких к Иосифу Вринге. Автор ее был сторонником провинциальной феодальной знати, недовольной политикой Романа Лакапина: он осуждал деятельность податных сборщиков, высмеивал трусость членов синклита и, наоборот, прославлял представителей знатных родов, подобных Фокам. Наконец, он выступал в защиту активной внешней политики, в защиту феодальной экспансии, которую осуществляли Фоки. Тем самым политические взгляды автора оказываются весьма близкими к политическим взглядам Константина VII, выраженным в «Житии Василия».

Итак, хроника Продолжателя Феофана представляет собой чрезвычайно сложный по составу источник, объединяющий ряд исторических сочинений, возникших в разное время и отражающих различные тенденции. Последняя часть хроники написана современным событиям и представляет бесспорный интерес; третья часть является лишь пересказом хроники Логофета с рядом иногда довольно существенных дополнений. Сложнее вопрос о значении двух первых частей хроники: он может быть выяснен только в результате сопоставления их с «Книгой царей» Генесия, охватывающей тот же период времени — от Льва Армянина до Василия Македонянина. Но это уже предмет особой статьи.